Табак и табачные фабрики в после военное время. Часть 1.

2009-05-05 19:46:38

«Табак исключительно служит человеку для удовлетворения его прихоти и составляет нередко, если не всегда, несчастие того же человека».
Академик И. М. Догель
И надо, видно, докурить Остаток табака…
А. Галич. «Легенда о табаке»

В первые послевоенные годы курили даже те, кто прежде не курил, - многие пристрастились к зелью во время войны и расстаться с этой привычкой уже не могли. Курили повсеместно на улицах, на стадионах, в школах, на заводах, в больницах, в банях. Таблички «Место для курения» по распространенности в миллионы раз превосходили редкие надписи - «Не курить!», на которых остряки меняли букву «к» на «д». Ленинградцы с удовольствием дымили дома и в гостях, на лестничных, детских, смотровых, съемочных и строительных площадках, в садах и парках, в рюмочных и в фойе театров, дожидаясь трамвая и выходя из него, а также на природе - на даче, на берегу Финского залива и Ладожского озера, в лесу, собирая грибы и ловя рыбу.

В пригородных электричках после войны первый и последний вагоны были для курящих; в них, не выходя в тамбур, курили все, что тогда можно было курить, - «Ракету» («для шкета»), «Норд», «Пушки», «Дели», «Красную Звезду», «Спорт», «Парашютист», «Лейтенантские», «Антракт», «Ленинградские», «Девиз»; те, кто побогаче и по пижонистее, дымили вечно измятым «Беломором» или более скромным «Севером» (пачки поменьше, чем у «Беломора»). Сразу после войны «Север» переименовали в «Норд», а потом - без каких-либо объяснений - опять в «Север», как и одноименное кафе и магазин тортов и пирожных на Невском проспекте, 44, существующий до сих пор.

Продолжали вовсю дымить в фильмах и литературных произведениях. Курение помогало режиссерам и литераторам отразить чувства, которые владели героем в конкретной ситуации. Вот взятый наудачу пример из шпионской книги 1956 года: «Челноков смял папироску и старательно погасил в пепельнице каждую искру отдельно». Действия Челнокова призваны передать его волнение и показать, что он тщательно обдумывает положение, в котором оказался. Да что там Челноков! Уважающий себя литературный герой и шагу не сделает, и рта не раскроет, прежде чем не закурит. Вот какими замечательными фразами пестрит издававшаяся в 1950-1960-е годы популярнейшая «Библиотечка военных приключений»: «Файн презрительно поджал губы и выпустил струю дыма прямо в лицо Крыжу». «Подполковник, лежа на траве, курил и думал. Когда аккуратно выкопанная им ямка оказалась, точно заседательская пепельница, полна окурков, Жилин сказал…» «Комов взял предложенную ему папиросу, закурил и выжидающе посмотрел на подполковника». «По тому, как Жилин мял в беспокойных пальцах погасшую папиросу, Комов понял, что подполковник взволнован». «Вот, скажем, иностранец - он курево по-нашему нипочем курить не станет. Иностранец пачку возьмет, щелкнет по донышку, губами сигарету вытащит - он это с большим форсом сделает - и закурит так, как ни один русский человек никогда не закурит». «Курите! - предложил он пачку сигарет “Астра”». «Выпустив кольцо дыма, Евсюков ловко нанизал его на палец». «Перед экспертом был поставлен вопрос: “Были ли эти сигареты выкурены одним лицом или это окурки сигарет, выкуренных разными лицами?”» «Подполковник молча выкурил папиросу, сплющил в неспокойных пальцах гильзу и сосредоточенно свернул ее. Это не предвещало ничего хорошего». «Сколько стоит пачка сигарет “Астра”? - Два шестьдесят. (В 1957 году; после реформы 1961 года - двадцать шесть копеек.)». «Аккурат в воскресенье, - ответил Макасов, ловко сворачивая пожелтевшими пальцами большую цыгарку самосада». «Ступак достал портсигар, закурил». «Опять закурил! Как увидит военный объект, так ему сразу курить хочется. Не кажется тебе, что это не только портсигар, но и фотоаппарат? Хорошо бы подержать в руках этот портсигар, прощупать его пульс».

Сколько мастерства проявлено при написании этих фраз, как они тщательно продуманы, как уместны в

смысле развития сюжета, сколь ценны информативностью, какую широкую гамму чувств и настроений передают! И главное - попробуй обойтись без них!

Курили не только отрицательные герои, но и положительные - пионеры и энтузиасты, стахановцы и принципиальные борцы за народное благо. Без конца курили ученые, особенно в часы творческого напряжения или, напротив, бессилия. Курили, приступив к делу и завершив его, после завтрака и обеда, перед сном и крепко выспавшись, на трезвую голову и выпив.

А как эффектно давили сигарету сапогом бросающие курить герои Н. Крючкова, В. Меркурьева и В. Нещипленко в фильме «Небесный тихоход» (1946 г.), - так и хочется повторить их движение, но ведь надо прежде закурить! И повторяли, и закуривали! Миллионами! И снова режиссеры снимали полюбившуюся сцену - «бросаем курить!»

уже в исполнении других артистов - А. Белова и А. Кожевникова, в другом фильме - «Неподдающиеся», в другом году - 1959-м. А как ловко отшвырнул докуренную сигарету себе за спину Райский, герой Вячеслава Тихонова, в фильме «Чрезвычайное происшествие», вышедшем на экраны в том же, богатом на табачные кинотрюки 1959 году! Потом этот залихватский жест повторяли сотни тысяч курильщиков, стараясь хоть в чем-то быть похожим на любимого киногероя. А вот Кате, героине фильма «Высота» (1957 год), едва ли отваживались подражать даже самые смелые мужчины: она по ходу сюжета прикуривает от сварочного аппарата.

На табачных фабриках, меж тем, налаживалась жизнь и строились планы по насыщению спроса курильщиков всего СССР. В 1946 году на фабрике им. Урицкого была произведена перепланировка и реконструкция, установлена новая техника, в частности, появилось 14 установок для кондиционирования воздуха. Все это помогло восстановить довоенный ассортимент табачной продукции уже к 1948 году.

Для папирос высших сортов в 1950-е годы стали использовать дорогие упаковочные материалы; немного выше стал и уровень полиграфического исполнения. К категории дорогих папирос принадлежали «Ленинградские» и «Юбилейные»; последние - самая престижная марка из ассортимента фабрики им. Урицкого, выпущенная к 250-летию со дня основания Петербурга (1953 год). Марка эта, впрочем, так и не стала популярной, ибо ленинградские (петербургские) курильщики зарекомендовали себя жуткими консерваторами, весьма неохотно меняющими свои пристрастия, - известны случаи, когда из-за невозможности купить «Беломор» курильщик вообще ничего не курил несколько дней, пока не доставал любимые папиросы. Спустя несколько лет, в 1957 году, появились папиросы «Фестивальные», выпуск которых был приурочен к Московскому международному фестивалю молодежи и студентов; фестиваль прошел - и папиросы, выпущенные в его честь, исчезли и забылись, растворились, так сказать, в фестивальной дымке, хотя потом вдруг возродились вновь. В 1967 году на фабрике начали выпускать папиросы первого сорта «Ладога» в трехслойной упаковке. По-новому стали оформлять пачки папирос высшего сорта - «Ленинградские», те же «Фестивальные», «Советские».

Фабрика Клары Цеткин после войны вошла в Главное управление табачной и махорочной промышленности Министерства пищевой промышленности СССР. В 1953 году она по воле советских чиновников, без конца выдумывавших себе работу, переметнулась в подчинение Министерства промышленности продовольственных товаров. Когда по прошествии многих десятков лет следишь за подобными перемещениями, возникает ощущение, будто в то время не знали, куда девать то или другое предприятие, кому перепоручить. Опережая события, замечу, что в 1970 году фабрика Клары Цеткин стала филиалом Лентабака и объединилась с фабрикой Урицкого; в 1986 году этот союз распался. Кому и главное - зачем был нужен этот неравный брак, навязанный обоим партнерам и продолжавшийся целых шестнадцать лет, неведомо.

У каждой из этих фабрик было свое прошлое, свои поклонники. Достаточно было в любом месте обширного СССР назвать одно из этих названий, чтобы слушателю стало все ясно. Именно так случилось в романе А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»:

«Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться.

- «Фабрика Клары Цеткин», - сказал горбоносый, разглядывая пачку. - Вы из Ленинграда?

-Да.

- Путешествуете?

- Путешествую, - сказал я».

В 1960-х годах, в период начала освоения космоса, земляне, населявшие одну шестую часть суши, получили возможность приобщиться к завоеванию околоземного пространства, не покидая Землю, - подымить «Межпланетными» и «Лайкой». Потом к «Лайке» добавился «Космос», затягиваться которым было не легче, чем попасть в отряд космонавтов, - уж слишком плотный был фильтр и в том и в другом случае. Да и табак был сырой.

Продолжился выпуск папирос - «Белая ночь», «Ленинградские», «Кавказ». Народ их не принял, поскольку не мог изменить «Беломору». Некоторые советские дамы, из числа изысканных, вкладывали в мундштук «Беломора» ватку, смоченную самыми дорогими духами «Красная Москва», - получался своего рода фильтр. Молодежь также вносила свою лепту в подготовку курева к курению -сигареты «Космос» перед употреблением укладывали рядами на батареи отопления для сушки табака и фильтра.

Советским военнослужащим, служившим в Германской Демократической Республике, равно как и мирным жителям этой уже несуществующей страны, до сих пор помнятся сигареты «Дымок»: советские солдаты меняли их на гэдээрошный ширпотреб, чему наши друзья по соцлагерю были несказанно рады, ибо немецкие сигареты стоили очень дорого.

К концу 1960-х годов в СССР начали появляться сигареты с фильтром. Фабрика им. Урицкого первой приступила к их выпуску в 1969 году, когда рынок уже был заполнен болгарскими сигаретами. К 1957 году на этой фабрике производилось свыше 20 миллиардов штук папирос ежегодно. Это было крупнейшее табачное предприятие в СССР. Но болгары продолжали наседать.

С 1960 по 1975 год количество болгарских сигарет, ввезенных в СССР, возросло более чем в семь раз - с 10 до 71,4 миллиарда штук. Иногда в продаже появлялись польские сигареты («Спорт» - ай да поляки молодцы! Надо же так назвать зелье, совершенно несовместимое со спортом!), чешские сигареты («Фильтер» - без фильтра!). Сигары же в подавляющем большинстве доставлялись с Кубы, где, возможно, табачные листья по-прежнему растирали на обнаженном бедре, если только этот эротичный процесс, наблюдать за которым было бы одним удовольствием, не был к тому времени механизирован или, выражаясь изящнее, деэротизирован (неологизм мой). Хороши были кубинские сигареты «Лигерос», «Партагос», и те, и другие в сладкой папиросной бумаге, но дымить ими отваживались немногие - слишком уж они были крепкими, хотя в качестве «закуски» к дешевому портвейну были незаменимы.

Курить начинали рано - лет в пятнадцать. Первыми сигаретами были «Ароматные», «Ментоловые», «Аврора» и «Прима», которые выпускались еще на «Лаферме» в начале XX века. По воспоминаниям автора книги «Нахимовское училище» В. К. Грабаря, перечисленные сигареты пользовались в 1960-е годы популярностью среди нахимовцев: «”Фарить” (то есть, курить) безопаснее было в кочегарке, находившейся в подвале учебного корпуса. Однако спуститься туда и вернуться на занятия за пять минут перемены не всем удавалось. Гораздо доступнее был гальюн. Доведенный штрафниками до идеальной чистоты, он служил еще и местом встреч, где рассказывались свежие анекдоты, делались первые затяжки. При появлении командиров окурки бросались в унитаз, а дальше начиналось следствие: обнюхивание, вытряхивание карманов и команда “Не спускать!” (то есть, не спускать воду в унитазе).

Однажды нахимовец Женя Беляев спрятал незатушенный окурок себе в карман, уже занятый расческой. Командир роты устроил затяжной допрос (не одну затяжку можно было бы сделать), и тут в кармане Беляева полыхнуло и повалил едкий дым от пластмассы, очень нелюбимый как курильщиками, так и противниками табака. На бедре у виновника надолго остался шрам от ожога. Остается надеяться, что последующие поколения нахимовцев извлекут урок из ошибки своего товарища. После отбоя, когда воспитатели покидали будущих офицеров, начинался массовый перекур, получивший название “Голубой огонек”, - в честь набиравшей популярность телевизионной передачи».

Ассортимент табачной продукции 1970-х годов был в Ленинграде представлен коробками трубочного табака («Капитанский», самый популярный), который курили единицы, болгарскими сигаретами - «Шипка», «Опал», «Femina», ароматизированные «Дерби» (на меду! Появились еще в конце 1950-х годов; тогда они были без фильтра), «Родопи», «Интер», «ВТ» (латинские буквы, за которыми скрывалось название «Болгарский табак», - самые дорогие, 40 копеек за пачку, тогда как остальные

сигареты с фильтром стоили не дороже 35 копеек, а без фильтра примерно 14). Были также «Трезор», «Джебел», «Стюардесса», «ТУ-134», кубинские сигары, советские сигареты - «Пчелка» (тоже на меду; «хороша, когда куришь не спеша», - так, кажется, говорили про «Пчелку», а чтобы все это знали, этими идущими от души словами были исписаны заборы и туалетные кабинки). «Ароматные» -первые советские ароматизированные сигареты, в желто-зеленой пачке; были «Ароматные» «нормальной» длины, а были и половинной - для курения с мундштуком. В 1960-е годы появились сигареты с фильтром «Ментоловые», которые очень нравились подросткам. В продаже эти сигареты бывали редко, и молодежь придумала смачивать фильтр дешевых сигарет валидолом или ментоловыми каплями.

«Народные» сигареты «Прима» и «Памир» были доступны всем - от школьников до тех, кого называли «работягами». Цена на эти сигареты в продолжение многих лет оставалась неизменной - десять копеек (батон тогда стоил тринадцать копеек, а круглый черный хлеб - четырнадцать). Были еще сигареты «Махорочные» по шесть копеек за пачку, но они появлялись в продаже редко. Тогда же начали выпускать половинные сигареты с фильтром -«Пегас», которые - вот удивятся любители «Марлборо» -выпускаются и покупаются до сих пор.

В этот ряд можно поставить сигареты «Прибой», которые просили не курить в непроветриваемых помещениях: запах этого табака был неистребим. Но его смело молено было курить на природе, у костра, исполняя под гитару популярнейшую в 1960-е годы песню Б. Ш. Окуджавы «Сигарета моя, сигарета…». В прилолсении к этой книге приводится стихотворение поэта В. Н. Корнилова, тоже вдохновленное сигаретой.

Первыми советскими сигаретами с фильтром были «Столичные» - совершенно отвратительное курево, с непроницаемым фильтром и кусками всякой всячины в табаке. Иногда, будучи оставленными без присмотра, они затухали, что для сигарет нетипично; затухали по собственной воле и другие сигареты советского производства, не говоря уже о «Беломоре», который можно гонять из одного угла рта в другой часами, что очень удобно для рабочих с грязными руками и водителей. Совершенно «нетягучими» были и укороченные сигареты «Новость». Страшно было смотреть на человека, пытавшего извлечь из них дым. Сигареты «Друг», которые прославил герой фильма «Берегись автомобиля» Деточкин в исполнении И. М. Смоктуновского, тем не менее оставили о себе память как об отвратительном куреве в твердой яркой пачке с изображением умного пса. Умного потому, что не курил, пока не исчез из продажи.

О том, что курили советские вожди и курили ли они вообще - ходят разные слухи. Н. С. Хрущев вроде не курил, зато Л. И. Брежнев оставил у своего окружения память о себе как о злостном курильщике. Леонид Ильич долго курил «Беломор», потом перешел на «Новость», которую выпускали специально для него (где - неизвестно, но не в Кремле же), а в последние годы отдавал предпочтение американским «Winston». Когда врачи запретили ему курить, на помощь пришли умельцы: будто бы для генсека придумали портсигар с таймером и замочком, который открывался каждые 45 минут.

Потом и с портсигаром пришлось расстаться, и Брежневу пришлось «стрелять» сигареты. Будучи лишен и этой возможности, он стал искать случая очутиться в обществе дымящего. Даже переводчика В. Суходрева просил: «Витя! Закури, пожалуйста!» Когда «Витя» закуривал, Леонид Ильич просил, чтобы тот дымил прямо в его сторону, не церемонясь.

Фабрика Клары Цеткин на протяжении всей своей истории, особенно к концу ее, старалась разнообразить ассортимент выпускаемой продукции. Вот несколько самых известных марок: «Дюшес», «Палехский баян», «Ленинград», «Наша марка», «Тройка», «Кино», «Футбол», «Север» («лохматые, мятые “Севера” пачки» - такими эти папиросы запомнились ленинградскому поэту Л. Дановскому), «Прима», «Аврора». На фабрике также выпускались подарочные наборы сигарет «Ленинград» и «Кино», где в блоке на каждой из десяти пачек были виды Ленинграда и кадры из наиболее популярных советских кинофильмов. Все делалось для того, чтобы народ как можно больше курил, любовался картинками на пачках и чтобы при каждом удобном случае люди дарили друг другу сигареты и папиросы с ликами любимых киноартистов и изображениями памятников архитектуры. Себе такие пачки мало кто покупал - дорого. Да и нелепо как-то дарить самому себе сувениры.

В конце 1980-х годов, в эпоху перестройки, картина резко изменилась, и на табачном рынке остались лишь одни воспоминания о прошлом. Курево стало таким же дефицитом, как и колбаса, водка и т. д., - а

в СССР все было дефицитом. Затем, с приходом рыночных отношений и появлением вседозволенности, на рынке вообще и на табачном в частности, стали появляться невесть откуда завезенные сигареты с неведомыми названиями (например, «Kenton» - появились на короткое время в 1990-х годах и вскоре навсегда растаяли в табачном дыму от других сигарет), табачные изделия индийского, немецкого, египетского, югославского производства. Постепенно Петербург переполнился табачным зельем до отказа - как отечественным, так и привозным, как качественным, так и сомнительным, но в основном дешевым. Сигаретные ларьки окружили станции метро, подобрались к школам и детским садам, заслонили входы на спортивные площадки. Курящий прохожий стал таким же обыденным явлением, как и тот, что не курит, ибо только что выбросил сигарету себе под ноги (урны вместе с советской властью ушли в прошлое - можно было пройти весь Невский проспект и не найти ни одной урны). Закурил даже Волк из мультфильма «Ну, погоди!», причем в самой первой серии, задавая, так сказать, тон всему сериалу и возбуждая нездоровый интерес у юного поколения кинозрителей.

Исчезли - как тогда казалось, навсегда - любимые табачные сорта трубочников: «Золотое Руно», «Капитанский», «Трубка мира», на смену которым пришли стандартные, распространенные в других странах сорта «Трабзон», «Самсун». Даже о знаменитых «горлодерах» - сортах трубочного табака «Моряк» и «Таежный» - бывалые курильщики стали вспоминать с ностальгией. Но были в то время и настоящие трубочные табаки - голландские, французские, английские, финские, шведские; ленинградцы обычно называли их «колониальными» (как этот табак попадал в СССР - историку неизвестно, но хорошо было известно тем, кто этот табак доставал).

Табачных фабрик и специальных магазинов в советское время было так мало, что рассказать о них практически нечего. В конце 1940-х - начале 1950-х годов был магазин «Папиросы. Табак» на углу Невского и Владимирского проспектов, где спустя три десятилетия появился знаменитый «Сайгон». В 1960-1970-е годы в пятимиллионном Ленинграде было всего три-четыре магазина, специализировавшихся на торговле табаком - «Гавана» (Кировский, ныне Каменноостровский просп., 2; в 1960-е годы это был безымянный магазин № 15 Райпищеторга Петроградского района), на Невском проспекте, 64, магазин на 7-й линии Васильевского острова и на Большом проспекте Петроградской стороны (бывший доходный дом Б. О. Урвича, построен в 1910-1913 годах, ныне д. 57; в 1960-е годы - № 45 Петроградского райпищеторга), не магазин, а музей витрины и шкафчики под «хохлому» и расписной потолок. Сюда заходили даже те, кто не курил, - посмотреть на всю эту красоту, «подышать». Старожилы помнят этот магазин до сих пор.

Виной скудному числу табачных магазинов в советское время - отнюдь не антитабачная кампания, которой в СССР никогда и в помине не было. Курение табака скорее поощрялось, в частности, и с помощью популярных артистов кино, куривших беспрестанно и красиво и ста-

новившихся невольными пропагандистами нездорового образа жизни. Вспомним героиню актрисы И. Муравьевой из фильма «Москва слезам не верит» (1979 год). Сцена, в которой ей подносят огонь двое мужчин одновременно и она прикуривает у обоих, - выдающаяся находка. И попробуйте сказать режиссеру, что это не так. И действительно, - как иначе, каким художественным приемом показать, что женщина нравится не одному мужчине, а двоим, да еще сразу? Да что ходить далеко за примерами: вышедший в апреле 2005 года на экраны страны телесериал «Гибель империи» начинается с того, что герой закуривает. Спустя несколько кадров он демонстрирует, как ловко умеет прикуривать. Переключившиеся с 1-го канала на канал «Россия» могли в тот же вечер видеть, как курит одну сигарету за другой герой телесериала «Мужчины не плачут». (Вообще эти главные российские каналы надо поздравить с неуемным желанием приобщиться к необузданной рекламе табакокурения.) Еще как плачут! Особенно те, кто курит! На этот счет много могли бы порассказать онкологи, кардиологи, урологи, невропатологи, ну, и уже упоминавшиеся нами патологоанатомы. Вот им, патологоанатомам, почему никогда не дают слова?

Система торговли табаком (да и всем прочим) была в СССР организована таким образом, что ни о какой осмысленной ее организации и речи не могло быть. Производством и распределением в стране правил дефицит, в дефиците оказалась не только табачная продукция, но и магазины. Многие лишь слышали, о «Марлборо» (они же «Мальборо»), видели, как его курят в заграничных фильмах, другие жизнь прожили с табаком, так и не увидев ни разу и не попробовав хваленую сигарету из пачки,

разрекламированной по всему белу свету скачущим ковбоем. Но были и такие, кто только «Марлборо» и курил. Продавались эти сигареты в 1970-е годы в валютных магазинах и в женском туалете гостиницы «Европейская» либо выдавались большим чиновникам и «своим людям» в спецраспределителях. Немало было путей, чтобы добыть иностранные сигареты. Еще с конца 1960-х годов подпольный табачный рынок поставлял любителям табака американские сигареты самых разных марок. Режиссеры театров, народные артисты, крупные начальники курили «Марлборо», «Уинстон», «Кент» и пр., тогда как в магазинах лежали только «Столичные».